

УДК 329

ТОЛСТОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

© 2013 г.

Е.В. Агарин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

efimagarin@mail.ru

Поступила в редакцию 08.02.2013

Первая русская революция рассматривается как одна из важнейших вех в истории общественного движения последователей Л.Н. Толстого. Анализируется дальнейший процесс эволюции толстовского движения: пересмотр некоторых идеологических установок, консолидация движения, трансформация его социального состава, новые тенденции развития толстовских колоний. Оценивается степень успешности этой эволюции.

Ключевые слова: первая русская революция, толстовское движение, толстовство, толстовцы, толстовские земледельческие колонии.

Общественное движение последователей Л.Н. Толстого является одной из тех тем, интерес к которым пробуждается в современной исторической науке. Своеобразные религиозно-этические идеалы толстовцев, их гуманистические и пацифистские воззрения, «непротивление злу насилием» как альтернативный революции метод преобразования социальной действительности – эти и другие толстовские идеи по-новому звучат в контексте постсоветского общества. Сегодня наибольший интерес для современных исследователей, пожалуй, представляет один из элементов толстовского движения – коммунитарные опыты толстовцев; толстовские коммуны изучаются как социокультурный феномен, представляющий собой специфическую альтернативу общественного устройства [1–3]. С другой стороны, в поле внимания современных исследователей все чаще попадают и частные сюжеты истории толстовства, которые, к сожалению, рассматриваются более или менее обособленно от развития толстовского движения в целом [4–7]. При этом неизученными остаются и другие немаловажные аспекты проблемы, – в частности, по-прежнему не изучается общественная деятельность толстовцев в конце XIX – начале XX века.

Помимо обозначенной тематической раздробленности толстовской истории на ряд сюжетов, согласно нашим наблюдениям, существует и ее хронологическая фрагментированность. Исследователи толстовства обращаются либо к периоду зарождения и становления толстовства – с 1880-х гг. до начала XX в., либо к его «золотому веку» – после 1917 г.; при этом эпоха 1905–1917 гг. практически полностью выпадает из историографии толстовства. В результате этого толстовство конца XIX в. и тол-

стовское движение советского времени предстают двумя отдельными, не имеющими полной исторической преемственности, явлениями с целым рядом необъясненных различий.

Историография толстовского движения в период после 1905 г. действительно скудна и предоставляет в основном отрывочные сведения. Специальных работ нами обнаружено не было, за исключением небольшой статьи советского историка С.Г. Петрова [8], содержащей, тем не менее, весьма полезные выводы. Петров, в свою очередь, развивал наблюдения крупного специалиста по сектантству В.Д. Бонч-Бруевича, кратко обозначенные последним в ряде статей [9–12]. Некоторые сведения о развитии толстовского движения после 1905 г. содержатся в книге дореволюционного исследователя А.С. Пругавина [13], в работе по толстовской истории советского периода М.А. Поповского [14], в монографии Т.В. Петуховой о коммунах толстовцев 1917–1920-х гг. [3], в примечаниях Д.И. Зубарева и А.Б. Рогинского к сборнику «Воспоминания крестьян-толстовцев» [15]. Таким образом, обозначенная фрагментарная исследованность проблемы характерна не только для ее современного состояния, но и изначально существует в рамках историографии толстовства.

Данная работа является прежде всего попыткой преодоления инерции тематического и хронологического дробления истории толстовского движения. Нашей целью является максимально полное изучение внутренней эволюции общественного движения последователей Л.Н. Толстого после первой русской революции и под ее влиянием. При этом необходимо исследовать эту эволюцию не только в контексте исторического развития страны, но и в ее связи с предшествующим опытом толстовского движения.

Определенная масштабность поставленной выше задачи, по нашему мнению, требует и некоторого экскурса в историю толстовского движения до 1905 г. На рубеже 1870–1880-х гг. широко известный в российском обществе писатель Л.Н. Толстой на первый взгляд неожиданно обратился к религиозно-философским исканиям. Результатом пережитого мыслителем мучительного, «духовного кризиса» стала своеобразная философская система, центральное место в которой заняла этическая, очищенная от мистицизма интерпретация христианских истин. Основываясь непосредственно на учении Христа, зафиксированном в Евангелии, Толстой подверг резкой критике официальную христианскую догматику и признал церковь, само богословие, таинства и обряды препятствиями на пути человека к богу и к истине [16]. Важнейшее место в учении Л.Н. Толстого заняла знаменитая заповедь о непротивлении злу насилем, восходящая к Нагорной проповеди. Мыслитель был убежден, что, следуя ей, человек не только должен отказаться от любого применения насилия или же косвенного участия в нем, но и ни в коем случае не содействовать своим поведением увеличению зла и страданий в мире. Любовь и единение с другими людьми в духе Христа должны были заменить существовавшие в обществе враждебность и отчуждение. Эти основные философские принципы были распространены Толстым практически на все области социальных отношений. Он выступил противником государства как инструмента насилия, общественного неравенства и богатства, частной собственности на землю, специализации труда как явлений, противоречащих заповеди Христа о равенстве всех людей и др. [17; 18]. Не возникает сомнений, что «Л.Н. Толстой не придумал идеи, составившие фундамент толстовства, а лишь выразил и оформил в определенное мировоззрение мысли и стремления, которые жили и бродили среди части русской интеллигенции и дворянства» [19, с. 58]. Вслед за рождением философской концепции Л.Н. Толстого начинается складывание общественного движения толстовцев, которое в этом смысле является столь же органичным продуктом своего времени.

В 1883–1885 гг. у мыслителя появляются первые последователи, в основном из дворян и разночинцев, – ими стали В.И. Алексеев, Н.Н. Ге, В.Г. Чертков, И.И. Горбунов-Посадов, Д.А. Хилков, П.И. Бирюков, Н.Л. Озмиздов, А.М. Бодянский и некоторые другие [20, с. 127–167; 21, с. 160–191; 22, с. 118–141]. По всей видимости, в толстовском движении изначально наметилось разделение на сторонников менее и более

радикальных действий, которое впоследствии отметит В.Д. Бонч-Бруевич [12, с. 285–286].

Первые, рассматривая учение Л.Н. Толстого как философию личного самосовершенствования, отказались кардинально изменить привычные условия своего быта и обратились к общественной деятельности, центром которой сначала стало издательство «Посредник», организованное В.Г. Чертковым в 1884 г. при помощи И.Д. Сытина [23, с. 62–66]. «Посредником» издавались актуальные книги различной тематики, их ориентированность на читателей из простого народа выразилась в низкой цене и широкой доступности изданий.

В 1890-е гг. сам Л.Н. Толстой «переносит центр тяжести своей моральной философии с проблемы... индивидуального самосовершенствования... на социальную критику всех основ существующего строя» [24, с. 45]. Эта критика вызывает среди крестьянства значительно больший, чем толстовская философия, интерес. Именно с начала 1890-х гг. идеи Толстого и последователей начинают активно проникать в крестьянскую среду. Наибольшего успеха в деле привлечения крестьянства к толстовскому учению добился князь Д.А. Хилков. В своем имении в селе Павловка Харьковской губернии к концу XIX в. он приобрел, по разным сведениям, от 200 [25, л. 71] до 327 [26, с. 529; 27, с. 153] последователей из крестьян, хотя после высылки Хилкова из имения подавляющее большинство его последователей перестали придерживаться толстовских взглядов [28, л. 30]. Вслед за этим Д.А. Хилков, находясь на Кавказе в ссылке, совместно с другими толстовцами начал успешную пропаганду толстовского учения среди местных духоборов [27, с. 56–72]. В 1897 г. 3-й миссионерский съезд православной церкви был вынужден прямо признать угрозу толстовского движения, объявив его «религиозно-социальной сектой» [29, с. 98], и начать с ним борьбу. Регулярно появлявшиеся заметки и статьи против толстовцев в журнале «Миссионерское обозрение» [30–33] красноречиво свидетельствуют о продолжавшемся распространении идей Толстого в российском обществе. Уже в 1900–1901 гг. обер-прокурор синода К.П. Победоносцев в своих отчетах признал в толстовстве самого опасного врага православной церкви [34, с. 192–193]. Определенной кульминацией антитолстовской кампании стал первый судебный процесс по делу толстовцев, длившейся с марта 1903 г. по сентябрь 1905 г. [13, с. 303–323].

С 1897 г. высланные за границу толстовцы во главе с В.Г. Чертковым и здесь развернули ак-

тивную пропаганду толстовских идей. В 1898 г. начали издаваться толстовские журналы «Свободное слово» в Лондоне и «Свободная мысль» в Женеве, доставлявшиеся нелегально в центральные регионы России [35; 36; 37]. Сам Чертков, проживая близ Лондона в местечке Пюрлей, активно выступал с лекциями и речами о Толстом и общественном движении его последователей, издавал свои брошюры [38, л. 187; 5, с. 132–133]. Наличие собственных печатных изданий и типографии и активная пропагандистская деятельность толстовцев не только способствовали определенному увеличению численности движения на рубеже XIX–XX вв., но и привлекли внимание социал-демократической эмиграции. В.Д. Бонч-Бруевич, активно сотрудничавший в 1898–1902 гг. с В.Г. Чертковым и другими толстовцами [38], в 1902 г. видел в толстовстве одного из противников в борьбе социал-демократов за влияние среди сектантских и крестьянских масс вообще, а также призывал к противодействию толстовской пропаганде [10, с. 187; 9, с. 111–127; 11, с. 308–314].

Другие толстовцы делали акцент на социальном, а не на философском компоненте учения Толстого: они стремились наиболее полно и последовательно провести в жизнь идеалы простой, трудовой жизни. Эти толстовцы обратились к созданию земледельческих общин, трудовых артелей, хуторских хозяйств. В 1886–1896 гг. толстовские общины существовали на Северном Кавказе [39], в Самарской [40], Смоленской [41], Тверской, Харьковской, Полтавской, Тамбовской [42; 43], Киевской [44, с. 35–37], Оренбургской [45], Нижегородской [46] губерниях. Эти общины быстро распались, а многие их участники оставили свои попытки «сесть на землю», разочаровавшись в толстовстве. Другие толстовцы – участники первых общин к концу XIX в. собрались «компактной группой» численностью около 45 человек в г. Нальчике [47, л. 2], впоследствии организовав на Кавказе и побережье Черного моря ряд хуторских хозяйств [48; 49; 50], здесь их и застала первая русская революция.

Вместе с тем общая численность толстовского движения к началу XX в. оставалась весьма скромной. Сам Л.Н. Толстой писал в 1901 г., что число его последователей едва ли составляет сотню человек [51, с. 246], исследователь толстовства М. Поповский говорил о нескольких сотнях толстовцев накануне первой русской революции [14].

Несмотря на некоторые успехи толстовцев в пропаганде собственных идей, толстовство с его непризнанием революции и принципом не-

противления злу насилием оказалось беспомощным в период роста социальной напряженности уже в 1903–1904 гг. и, тем более, в годы первой русской революции. Общественная действительность требовала активных организованных действий во имя желанных перемен – именно возможность таких действий толстовская программа и не могла обеспечить своим сторонникам ввиду самого учения Толстого. В.Д. Бонч-Бруевич отмечал: «Революция шла, сметая на своем пути все препятствия, и толстовщина, и ее адепты в первую голову были сброшены в мусорный ящик» [11, с. 311]. Очевидно, Бонч-Бруевич был близок к истине: всего за несколько лет толстовство потеряло очень многих своих сторонников [24, с. 47; 52, с. 236; 8, с. 174].

В этом смысле чрезвычайно интересен и характерен уход от толстовства уже упомянутого Д.А. Хилкова. С 1902 г. он начинает издавать в Женеве революционные «Народные листки»; в 1903 г. присоединяется к эсеровской «Лиге аграрного социализма»; и, после обращения к мистическому анархизму, в конце 1904 г. выступает уже активным социалистом-революционером – организатором «боевых крестьянских дружин» [28, л. 84, 126]. За эти несколько лет противоречивых исканий Хилков прошел путь от толстовского ненасилия к убеждению, что «при тех условиях земной жизни, которые мы все знаем, политические права могут быть добыты только теми, которые не откажутся от употребления насилия» [53, с. 14]. Подобные революционные взгляды высказывал в письмах к Л.Н. Толстому, например, и другой толстовец – А.М. Бодянский в марте 1903 года [54, с. 101]. Толстовцы, проживавшие плотной группой хуторов в Черноморской губернии, в 1905 г., по сведениям Департамента полиции, и вовсе «поголовно примкнули» к местному отделению революционно-демократической организации «Крестьянский союз» [50, л. 258 об.].

Таким образом, многие толстовцы, ориентированные более на социальный, чем на философский компонент учения Толстого, накануне и в годы революции вышли из толстовского движения, осознав его неполноценность. Тогда как немногочисленные толстовцы, воспринимавшие толстовство прежде всего как философию, остались в 1905 г. верны позиции, высказанной самим Л.Н. Толстым в письме к Черткову: «чем больше разгорается революция, тем сильнее хочется уйти в себя и не участвовать не только делом или словом, но и обсуждением этого злого дела» [55, с. 28].

В советской историографии толстовства преобладало мнение, что толстовское движение

после первой русской революции как таковое не существовало [24, с. 48; 52, с. 236; 19, с. 63]. При таком подходе крайне затруднительно найти какое-либо адекватное объяснение неожиданному всплеску активности толстовцев в 1917 г. и кратковременному «золотому веку» движения в 1918–1922 гг. [14]. Мнение о полном и безвозвратном крахе толстовства после первой русской революции все же не соответствует действительности. Бесспорно, что толстовское движение понесло значимые потери, но существовать оно продолжило, вместе с тем претерпев и ряд немаловажных изменений. Оставшиеся толстовцы с учетом негативного для их общественного движения опыта революции 1905 г. предприняли определенные попытки по своеобразному приспособлению толстовства к менявшимся социальным условиям, хотя намеренность и целенаправленность этих попыток и остаются под вопросом. На наиболее важных аспектах этой внутренней эволюции толстовского движения после 1905 г. мы подробнее остановимся далее.

На фоне активной общественной борьбы накануне и в годы первой русской революции толстовцам, вероятно, становится очевидной неполнота их классической заповеди о непротавлении злу насилием. Эта идея, сформулированная Л.Н. Толстым в статье «Царство божие внутри вас», изначально предполагала не только отказ от применения насилия, но и неучастие в какой-либо общественной борьбе за свои права, что уже рассматривалось как сопротивление злу [56]. Поэтому, хотя и призывы Толстого отказываться от выплат налогов и податей, не служить в армии, не участвовать в любых государственных и общественных учреждениях были внешне сходны с предложениями эсеров и кадетов в период реакции, смысл исполнения его заповеди о непротавлении злу насилием сводился преимущественно к духовному развитию отдельной личности, а социальная значимость таких поступков им, как правило, не рассматривалась. Например, во всё более участившихся случаях отказа от военной службы по религиозным убеждениям Л.Н. Толстой видел прежде всего рост духовного сознания народа, а не проявления некой общественно-политической борьбы [57].

Первая русская революция невольно приводела толстовцев к необходимости корректировки и дополнения принципа о непротавлении злу насилием. Уже во второй половине 1903 г. толстолец И.М. Трегубов после пребывания в кипевшей революционными страстями Женеве выступил в печати с идеей о всеобщей мирной стачке [58, с. 122; 10, с. 310]. Будучи актом не-

насилия, она, с одной стороны, была в духе толстовского мировоззрения, а с другой стороны, могла стать и орудием общественно-политической борьбы, способным принести реальные плоды. Позднее, в 1907 г., вернувшийся в Россию В.Г. Чертков вновь обратился к аналогичной идее [59; 60]. По мнению Черткова, всеобщая забастовка 1905 г. в России стала замечательным примером мирного сопротивления властям: «размеры ее были громадны. Состав участников был самый разнообразный, их единодушие было поразительное, и, главное, при всех этих условиях забастовка была в общем мирная» [59, с. 90]; важно также то, что она «достигла цели» [60, с. 100]. Тогда как насильственные революционные действия, следовавшие за забастовкой, по мнению Черткова, имели лишь негативные последствия [59, с. 91].

Концепция мирной забастовки/стачки, таким образом, могла рассматриваться как недостающее практическое воплощение теоретической заповеди Толстого о непротавлении злу насилием. По-видимому, именно тогда впервые был обозначен этот поворот от теории к практике в рамках философии непротавления, который, по всей видимости, позволил Д. Шарпу в его классификации ненасильственных общественных движений определить Толстого и толстовцев как представителей активного примирения (active reconciliation), отделив их от сторонников полного несопротивления среди религиозного сектанства [61]. Признание мирной забастовки/стачки стало своеобразным прецедентом корректировки элементов толстовского учения его последователями, открыв путь дальнейшему более свободному от догматизма восприятию философии Толстого его сторонниками.

Вместе с тем признание забастовки, которая являлась все же хоть сколько-нибудь организованной формой общественной борьбы, означало и последующую санкцию в рамках толстовской доктрины на возможность и даже необходимость создания элементарных форм организации и коммуникации внутри движения, которых прежде не существовало. До революции 1905 г. толстовцы более или менее придерживались ортодоксального взгляда самого Л.Н. Толстого на всякого рода организации: «организация парализует силы» людей [62, с. 4]. В лучшем случае разного рода объединения, уставы, правила и программы признавались просто ненужными для людей, познавших духовное христианское единение [63, с. 60]. Рыхлость подобного рода единения на практике была доказана произошедшей первой русской революцией.

По мере появления новых сторонников толстовского движения и возвращения некоторых

толстовцев из-за границы начинают возникать первые толстовские организации. В 1908 г. по инициативе И.М. Трегубова в Петербурге был образован кружок «Община свободных христиан», объединивший под флагом толстовства близких по духу представителей различных сект [64, с. 200]. Неофициальным центром толстовства стало Московское вегетарианское общество, основанное 28 февраля 1909 г. в Газетном переулке, в центре Москвы [65, с. 460]. При обществе были открыты вегетарианские столовые, особая библиотека; В.Г. Чертков и толстовцы выступали здесь со своими лекциями и речами. Число участников общества в первые годы его существования стремительно росло: в 1909 г. его численность составляла 11 тыс. человек, в 1912 г. – уже 340 тыс. [66]. Несомненно, что членами общества становились далеко не только последователи взглядов Л.Н. Толстого, но именно толстовцы, среди которых были В.Г. Чертков, И.И. Горбунов-Посадов, П.И. Бирюков, А.С. Зонов и другие, явились наиболее активным его элементом. Впоследствии Московское вегетарианское общество почти на 20 лет станет коммуникационным центром толстовцев и основным источником толстовской пропаганды. Несколько позднее, уже после смерти Л.Н. Толстого, были основаны Толстовское общество в Москве в январе 1912 г. [67, с. 3–4]; заграничное Общество русской библиотеки-читальни имени Л.Н. Толстого в Риме в феврале 1912 г. [68]. В начале 1910-х гг. возникают и локальные толстовские кружки: например, в Майкопе [69, л. 19], в Новороссийске [50, л. 258 об].

Еще одной важнейшей тенденцией развития толстовского движения после 1905 г. стало постепенное изменение его социального состава. На это первый и, по всей видимости, единственный раз было обращено внимание советским исследователем толстовства С.Г. Петровым. Он отметил, что после революции в толстовском движении «крайне незначительным стало представительство интеллигенции и студенчества, промышленных рабочих», а его социальным резервом оставались «кустари и ремесленники, неквалифицированные рабочие, некоторые группы мелких служащих в городе и патриархальное крестьянство в деревне» [8, с. 174].

Замечание С.Г. Петрова о происходившей перемене представляется нам совершенно верным. В 1911 г. под впечатлением от удачно проводившейся толстовской выставки, число посетителей которой достигало 2 тыс. человек в день, один из полицейских наблюдателей отметил: «На выставку толпами являются малоинтеллигентные классы. ...Толстовство, вначале носившее узко интеллигентный характер, по

массе признаков в последнее время приобретает народный характер, проникая в самую толщу масс» [70, л. 46]. Определенной иллюстрацией происходившей перемены является и резкое увеличение доли крестьян среди корреспондентов Л.Н. Толстого. Если за 1900–1905 гг. лишь 3 человека, социальное происхождение которых однозначно отмечено как крестьянское, высказались в письмах Толстому о своей приверженности его взглядам, то в период 1905–1910 гг. число аналогичных корреспондентов мыслителя составило уже 12 человек [71].

Важнейшим фактором обращения части крестьянства к толстовству в период после 1905 г. стала аграрная реформа П.А. Столыпина. В условиях стремительного разложения крестьянской общины толстовское движение, изначально возникшее как реакция на проникновение в общество капиталистических отношений и в значительной мере как своеобразная попытка воспроизведения патриархального уклада, усиливалось за счет части крестьянства, терявшей связь с привычными обстоятельствами патриархального быта. В целом же пробуждение интереса российского общества к религиозно-утопическим учениям, одним из которых, по сути, и являлось толстовство, в период реакции после 1907 г. было вполне закономерным и заметным явлением. Его проявлениями, кроме прочего, явились зарождение течения «богостроительства» среди русских марксистов; или, например, выход в свет знаменитого сборника «Вехи», где революционный путь борьбы был резко осужден авторами с точки зрения христианских ценностей. М. Штейнберг провел любопытное исследование религиозного воображения русских рабочих после 1910 г. [72], которое более чем наглядно свидетельствует об увеличении роли религиозно-утопических мотивов, что говорит и о родстве народных настроений этого периода, в том числе, и с толстовскими идеями.

В этих условиях рассмотренные выше изменения программы и появление первых толстовских организаций, в свою очередь, также способствовали постепенной трансформации социального состава толстовского движения. Дополнительным фактором этой перемены, вероятно, явилось еще и ведение толстовцами активной пропаганды в деревнях.

В этом деле наибольшего успеха добился уже многократно упомянутый толстоовец В.Г. Чертков. По возвращении в Россию он развернул пропаганду толстовских идей в своем имении Телятинки Тульской губернии; в 1909 г. вместе с Л.Н. Толстым он ездил по деревням и посещал крестьян с целью агитации [73, л. 4]. После небольшого перерыва, вызванного смертью Тол-

стого и подготовкой издания его сочинений, В.Г. Чертков возобновил пропаганду идей не только в Тульской губернии [74, л. 60–61], но и в Воронежской, где у него также было имение [73, л. 9 об.]. По всей видимости, он периодически вел пропаганду и в столице [50, л. 199]. В.Г. Чертков не являлся одиноким пропагандистом толстовских воззрений. Помимо Тульской и Воронежской губерний толстовцы в послереволюционный период активно распространяли свои идеи в Полтавской, Харьковской, Смоленской, Новгородской, Рязанской губерниях [69; 74, л. 14], Кубанской области [75, л. 19].

Изучение изменений, произошедших в толстовском движении после первой русской революции, было бы неполным без рассмотрения судьбы земледельческих опытов толстовцев. Толстовские колонии после 1905 г. являются, по всей видимости, совершенно неисследованными. Это объясняется уменьшением их количества сравнительно с 1890-ми гг., а также и тем, что сами толстовские колонии уже не представлялись их очевидцам столь же удивительным явлением, как было ранее.

По нашим, возможно неполным, подсчетам в период 1906–1913 гг. точно существовали 10 толстовских либо тяготевших к толстовству колоний, из которых 8 являлись новообразованными. Перечислим толстовские поселения в хронологическом порядке их основания: несколько толстовских хуторов, организованных до 1905 г. близ Пятигорска [49]; созданная приблизительно в 1905 г. община на Михайловском перевале Черноморской губернии [50, л. 258 об.]; хутор Ак-Джара в Туркестанской губернии [75, л. 37–38]; община Н.А. Шейермана близ Лисичанска Екатеринославской губернии [76]; Община «Петровичи» Минской губернии [77]; «Лесной хутор» Смоленской губернии [69, л. 215]; Ржевская колония Воронежской губернии [78]; Хмелевская артель в Тульской губернии [79]; община интеллигентов на острове Нижней Волги «Харабали» Астраханской губернии; колония близ г. Геленджика [80, л. 41, 42]. Толстовских колоний действительно стало меньше. Однако они стали более прочными – некоторым из перечисленных все же удалось встретить 1917 г. Мода на основание земледельческих поселений среди интеллигенции прошла, и, по словам бывшего колониста, сказанным в 1908 г., «теперь идут в колонию уже серьезные люди, с необходимым запасом жизненного опыта и умением работать» [48, с. 471].

Укрепляло колонии влияние и тех тенденций развития толстовского движения в целом, которые мы рассмотрели прежде. В частности, необходимость организации и даже централиза-

ции своих коммунитарных опытов была, по всей видимости, впервые осознана толстовцем И.А. Беневским, выпустившим в 1907 г. брошюру «Христианская община и земледелие» [81]. В приложении к ней содержался устав общества «Божья Нива», которое, по мысли автора, должно быть организовано для содействия движению городских жителей на землю [81, с. 15–23]. Проект Беневского не был воплощен в жизнь. Однако позднее А.А. Медведев по инициативе В.Г. Черткова открыл «Справочное бюро по вопросам устройства земледельческих общин, коммун и артелей» [82]. Бюро было призвано координировать действия людей, стремящихся сесть на землю из нравственных убеждений; издавать сборники и помещать статьи в печати о возникающих земледельческих колониях. На локальном уровне тенденция к повышению организованности выражалась в принятии уставов некоторыми из колоний, носившими характер общины. В ранних толстовских поселениях создание устава, видимо, нередко воспринималось как акт насилия над личностью [44, с. 13–86]. Впоследствии от идеи организации общин без уставов толстовцы окончательно откажутся, а существование устава в толстовских коммунах станет нормой [3].

Изменение социального состава толстовских колоний проследить несколько труднее, так как общественный статус колонистов в документах фиксировался редко. Отражающим тенденцию увеличения в толстовских колониях доли крестьянства являлся состав Ржевской колонии в Воронежской губернии, где из 20 взрослых членов колонии 16 были крестьянами [83, л. 226]; а также и состав Хмелевской земледельческой трудовой артели, основную часть которой также составили крестьяне [79, л. 15]. Крестьяне изначально составляли существенную часть общины помещика Н.А. Шейермана [76, л. 4, 5]. Также толстовцы из крестьян приняли участие в организации колоний Ак-Джара [75, л. 38] и «Петровичи» [77 л. 1].

Кроме того, немалую роль в развитии толстовских колоний сыграло и развитие кооперативного движения, достигшего после первой русской революции определенного размаха [84, с. 28]. Толстовцы, стремясь преодолеть существовавший отрыв своей коммунитарной философии от конкретной исторической практики, начинают принимать активное участие и в кооперативном движении. Это выразилось, кроме прочего, в их постоянном участии в журналах «Жизнь для всех» и «Вестник кооперации», призванных содействовать развитию кооперации в России. Общины толстовцев, по-видимому, могли восприниматься как специфиче-

ская, но все же одна из форм кооперации, что не вызывало у населения прежнего отчуждения; это в свою очередь могло содействовать привлечению в толстовские колонии крестьянского элемента. Важно отметить, что, тем не менее, толстовские общины все же по-прежнему состояли из людей, обратившихся к земледельческому труду из нравственных побуждений, тогда как в кооперативных объединениях приоритет отдавался экономическим интересам.

При анализе произошедших в толстовском движении перемен надо иметь в виду то, что философское учение Л.Н. Толстого являлось все же этической утопией, многие из принципов которой не могли быть воплощены в конкретной исторической ситуации. По этой причине и толстовское движение, в основу которого естественно были положены принципы мировоззрения Толстого, имело очень ограниченный простор для собственного развития. Поэтому толстовство не могло стать и не стало признанной, общероссийской идеологией, и оценивать с подобной позиции его эволюцию в данный период было бы бесплодно.

Однако при рассмотрении толстовского движения изнутри, как развивающейся системы, результативность произошедших перемен становится более очевидной. Толстовство, представлявшее собой в начале XX в. рыхлый конгломерат обладателей сходных этических принципов и стремлений, в 1903–1913 гг. делает существенный шаг в своем развитии и начинает приобретать качественно новые черты общественного движения, описанные выше. Определенным доказательством успешности эволюции толстовства как общественного движения может служить происходившее увеличение его численности. К 1917 г., по результатам исследования М. Поповского, количество толстовцев достигнет уже 5–6 тыс. человек [14]; в мае 1924 г., после начала репрессий против последователей Толстого, по подсчетам начальника 6-го отделения ГПУ Е. Тучкова, их оставалось все же 2500–3000 человек [85, с. 205].

Эти цифры, конечно, слишком малы в сравнении с численностью партий эсеров и большевиков и становились обоснованием, возможно, даже и справедливой позиции советской историографии по отношению к толстовскому движению. Эта позиция, так или иначе, сводилась к тому, что толстовцы и «им подобные не играли заметной роли ни в истории России, ни в истории российского революционного движения» [86, с. 101]. Но такая оценка представляется нам скорее поверхностной и, кроме прочего, является следствием однозначной трактовки знаменитого тезиса В.И. Ленина о патриархальности

толстовского мировоззрения [87, с. 212]. Между тем Н.И. Пруцков в своем исследовании настроений российского общества в середине XIX в. отметил, что патриархальность ошибочно воспринимается сугубо как нечто отжившее, негативное, недостойное права на существование; в действительности патриархальные идеи равенства, коллективизма, любви к земледельческому труду, преданности родине и др. впоследствии приобретали иной, положительный смысл, в частности и в условиях социалистического строительства [88, с. 231]. В этом отношении толстовцы своей обличительной критикой самодержавия и капиталистической системы, пропагандой социалистических идей и альтернативных форм жизни внесли, возможно, и малый, но все же яркий и своеобразный вклад в развитие общественной и политической мысли России начала XX в.

Список литературы

1. Гордеева И.А. Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в. [Электронный ресурс]: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kommunitarnoe-dvizhenie-v-rossii-v-poslednei-chetverti-xix-v>
2. Фатюшенко А.В. Интеллигентские земледельческие общины в России и США в последней четверти XIX века (культурологические аспекты) [Электронный ресурс]: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. Режим доступа: http://www.fl.msu.ru/img/pages/File/avtoreferaty/fatushenko_avtoreferat_07.doc
3. Пегухова Т.В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917–1929 гг.) Ульяновск, 2008.
4. Варфоломеев Ю.В. Дело «толстовца» В.А. Молочникова (по материалам архивных документов Государственного музея Л.Н. Толстого) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2009. № 1. С. 68–72.
5. Ореханов Г.Л. В.Г. Чертков и Л.Н. Толстой // Российская история. М., 2010. № 2. С. 129–138.
6. Панаэтов О.Г. Основатели и идеалы общины «Криница» // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 1. С. 46–52.
7. Воробьев И.А. Толстовские колонии в Англии во второй половине 1890-х гг. [Электронный ресурс] // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 6. Режим доступа: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/f08/hagcjrzzrlbwvkk%20bp.%20rg.%20_141-146.pdf
8. Петров С.Г. Толстовство и средние слои (к постановке вопроса) // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989. С. 171–178.
9. Бонч-Бруевич В.Д. Среди сектантов // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1959. С. 111–127.
10. Он же. Раскол и сектантство в России // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1959. С. 153–189.

11. Он же. По поводу письма нижепубликуемого // *Избранные сочинения*. Т. 1. М., 1959. С. 308–314.
12. Он же. Кривое зеркало сектанства // *Избранные атеистические произведения*. М., 1977. С. 281–300.
13. Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2011.
14. Поповский М. Русские мужики рассказывают... Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе. 1918–1977. Нью-Йорк, 1981. Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/16_p/op/ovsky_00.htm.
15. Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е годы. М., 1989. 506 с.
16. Толстой Л.Н. Исследование догматического богословия // *Полн. собр. соч.* Т. 23. М., 1992. С. 60–303.
17. Он же. Исповедь // *Полн. собр. соч.* Т. 23. М., 1992. С. 1–59.
18. Он же. В чем моя вера // *Полн. собр. соч.* Т. 23. М., 1992. С. 304–468.
19. Калининчева З.В. К вопросу о возникновении толстовства // XXVII Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1974. С. 56–63.
20. Толстой С.Л. Очерки былого. Тула, 1968.
21. Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1969.
22. Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1984.
23. Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1960.
24. Горев Б.В. Анархизм в России (от Бакунина до Махно). М., 1930.
25. Издания В.Г. Черткова. 1898 // ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 226. Д. 14ч16.
26. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Пг., 1915.
27. Терлецкий В.Н. Очерки исследования и статьи по сектанству. Выпуск 1. Полтава, 1911.
28. Об отставном подполковнике князе Д.А. Хилкове, распространяющем среди крестьянства учение, сходное со штундистским. 1898–1911 // ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 226. Д. 222.
29. Макаревский М.И., Добромыслов П.П. 3-й всероссийский миссионерский противораскольнический и противосектантский съезд в городе Казани, 22 июля – 6 августа 1897 г. Рязань, 1898.
30. Толстовство как секта // Миссионерское обозрение. Киев, 1897. Кн. 1.
31. Истинный смысл и значение учения гр. Л.Н. Толстого // Миссионерское обозрение. 1898. № 2, 6.
32. Кохомский С. Разбор толстовского катехизиса. Лжеучение толстовцев о Боге // Миссионерское обозрение. 1898. №5. С. 733–738.
33. Сырокомля-Сопочко М.А. «Меморалия». Записки раскаявшегося толстовца // Миссионерское обозрение. 1904. № 8, 10, 19, 20.
34. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 год // Цит. по: Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2011. С. 192–194.
35. «Свободная мысль». Журнал П.И. Бирюкова. 1898 // ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 226. Д. 14ч34.
36. О толстовцах. 1907 // ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 227. Д. 43.
37. Об отставном штабс-ротмистре В.Г. Черткове. 1898–1909 // ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 226. Д. 227.
38. Фоломеев С.Н. Неравноправное партнерство: сектанство и российская социал-демократия в начале XX в. // *Актуальная история: новые проблемы и подходы*. Самара, 1999. С. 38–47.
39. Толстой Л.Н. Письмо Н.Л. Озмизову, 19 декабря 1885 г. // *Полн. собр. соч.* Т. 63. С. 310.
40. Он же. Письмо И.Б. Файнерману, сентябрь 1887 г. // *Полн. собр. соч.* Т. 64. С. 81.
41. Селезнев Н.М. Шавеевская колония // *Смоленский вестник*. Смоленск, 1891. № 81, 85, 86, 92, 101.
42. Скороходов В.И. Из воспоминаний старого общинника // *Ежемесячный журн. литературы, науки и общественной жизни*. СПб., 1914. № 6, 7, 8–9, 11, 12. 1915. № 5. 1916. № 7–8.
43. Рахманов В.В. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов // *Минувшие годы*. СПб., 1908. № 9. С. 3–33.
44. Кривенко С.Н. На распутье: культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901.
45. Захарьин И. В толстовской колонии // *Миссионерское обозрение*. СПб., 1899. № 4. С. 472–476.
46. Дело о П.В. Великанове и А. Гвоздецком – последователях учения Льва Толстого. 1894–1896 // ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1932.
47. О колонии «толстовцев» на хуторе Кура-Гада Терской области. 1899 // ГАРФ. Ф. 124. Оп. 8. Д. 405.
48. Михайлов А.В. В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // *Вестник Европы*. СПб., 1908. № 9, 10.
49. Казманов Ф. Среди «толстовцев» // Баранов Е., Казманов Ф. Толстой жив. М., 1911. С. 15–37.
50. Баптисты. 1913 // ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 243. Д. 85.
51. Толстой Л.Н. Ответ на определение Синода от 20–22 февраля и на полученные мной по этому поводу письма // *Полн. собр. соч.* Т. 34. М., 1992. С. 245–253.
52. Канев С.Н. Революция и анархизм. М., 1987.
53. Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. Выпуск 1. Сергиев Посад, 1915.
54. Гомон М.Л. Л.Н. Толстой и харьковчане. Харьков, 1993.
55. Толстой Л.Н. Письмо В.Г. Черткову, 10 ноября 1905 г. // *Полн. собр. соч.* Т. 88. М., 1992. С. 28.
56. Он же. Царство божие внутри вас // *Полн. собр. соч.* Т. 28. М., 1992. С. 1–293.
57. Он же. Письмо Т.Н. Кошевому, 30 апреля 1905 г. // *Полн. собр. соч.* Т. 75. М., 1992. С. 243.
58. Саломони А. Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898–1905 гг.) // *Русская эмиграция до 1917 г.* СПб., 1997. С. 112–127.
59. Чертков В.Г. По поводу последних событий в России // Он же. Наша революция: насильственное восстание или христианское освобождение. М., 1907. С. 90–97.
60. Он же. По поводу всеобщей забастовки 15-го года // Он же. Наша революция: насильственное восстание или христианское освобождение. М., 1907. С. 98–109.
61. Sharp G. The meanings of Non-Violence: A Typology [Electronic resource] // *The Journal of Conflict resolution*. Vol. 3. No. 1. Oslo, 1959. P. 41–66. URL: <http://www.jstor.org/stable/172867>

62. Толстой Л.Н. Дневник 1895 г. // Полн. собр. соч. Т. 53. М., 1992. С. 3–77.
63. Чертков В.Г. Наша революция: насильственное восстание или христианское освобождение. М., 1907.
64. Толстой Л.Н. Письмо И.М. Трегубову, 21 октября 1910 г. // Полн. собр. соч. Т. 82. М., 1992. С. 199–200.
65. Естественная жизнь и вегетарианство. Альманах Московского вегетарианского общества [Электронный ресурс]. М., 1913. Режим доступа: <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/natural-life-veg-1-almanac1913/01.htm>.
66. Годовой отчет Толстовского общества в Москве за 1912 год. М., 1913.
67. Письма правления Общества русской библиотеки-читальни имени Л.Н. Толстого в редакцию об организации и целях общества. 1912 // ГАРФ. Ф. Р-6974. Оп. 1. Д. 2.
68. Кооперативное движение. 1912 // ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 242. Д. 16.
69. Дело по наблюдению за последователями Л.Н. Толстого, о толстовцах, отказавшихся от военной службы и т.д. 1910–1914 // ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 240. Д. 123.
70. Толстой Л.Н. Письма 1900–1910 // Полн. собр. соч. Т. 72–82. М., 1992.
71. Steinberg M. Workers on the Cross: Religious Imagination in the Writings of Russian Workers, 1910–1924. [Electronic resource] // Russian review. Vol. 53. No 2. 1994. P. 213–239. URL: <http://www.jstor.org/stable/130824>
72. Дело по обвинению В.Г. Черткова в агитации среди крестьян. 1909 // ГАРФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 1305.
73. Обзор деятельности революционных и оппозиционных партий по некоторым губерниям России. 1913 // ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 243. Д. 185.
74. Рязанская губерния, агентурные сведения. 1910 // ГАРФ. ДП-ОО. Оп. 240. Д. 20ч67 лит. Б.
75. Туркестанское генерал-губернаторство. Агентурные сведения. 1914 // ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 244. Д. 12ч84 лит. Б.
76. Шейерман В.А. Краткая история возникновения общины в Высоком, близ Лисичанска Екатеринбургской губернии. 1909 // ОР РГБ. Ф. 435. К. 97. Ед. хр. 8.
77. Письмо А.К. Чертковой по истории общины «Петровичи». 1910 // ОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 15.
78. Об образовании в имении Ржевском Богучарского уезда Воронежской губернии колонии «Толстовцев». 1911 // ГАРФ. Ф. ДП-4. Оп. 120. Д. 173.
79. Материалы Хмелевской земледельческой трудовой артели. 1913–1917 // ОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 18.
80. Медведев А.А. Письма к разным лицам со сведениями о земледельческих коммунах. 1913–1914 // ОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50.
81. Беневский И. Христианская община и земледелие. С приложением устава общества земледельцев «Божья Нива». М., 1907.
82. Объявление об открытии Справочного бюро по вопросам устройства земледельческих общин, коммун и артелей. Б.д. // ОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 13.
83. О социалисте-революционере Б.Н. Моисеенко. 1912 // ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 242. Д. 360.
84. Козлова Е.Н. Развитие кооперации в России и ее роль в обновлении страны (1906–1917 гг.) // Кооперация: страницы истории. М., 1993. С. 27–47.
85. Савельев С. Бог и комиссары (к истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП (б) – антирелигиозной комиссии // Религия и демократия: на пути к свободе совести. М., 1993. С. 164–216.
86. Комин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969.
87. Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Полн. собр. соч. Т. 17. М., 1968. С. 206–213.
88. Пруцков Н.И. В поисках путей в будущее // Вопросы методологии историко-литературных исследований. Л., 1981. С. 214–245.

TOLSTOYANS' MOVEMENT AFTER THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

E.V. Agarin

The author considers the first Russian revolution as one of the major landmarks in the history of social movement of L.N. Tolstoy's followers. The further evolutionary process of Tolstoyans' movement is analyzed, including such aspects as the revision of some ideological attitudes, movement's consolidation, transformation of its social base, new tendencies in the development of Tolstoyans' agricultural colonies.

Keywords: the first Russian revolution, Tolstoyans' movement, Tolstoism, Tolstoyans, Tolstoyans' agricultural colonies.